

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛЕДЯНОЙ УРОЖАЙ СКОТТ ФИЛЛИПС

Невероятно остроумное и динамичное повествование выполнено в блистательном жанре нуара...
Скотт Филлипс — первоклассный автор.
The New York Times Book Review

Этот зловещий роман с крутыми поворотами сюжета напомнит вам «Фарго» и «Криминальное чтиво».
Detroit Free Press

Финалист премии **Hammett National Bestseller**

Ледяной урожай

СКОТТ ФИЛЛИПС

Ледяной урожай

«Центрполиграф»

2000

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Филлипс С.

Ледяной урожай / С. Филлипс — «Центрполиграф»,
2000 — (Ледяной урожай)

ISBN 978-5-227-07591-8

Чарли Арглист, в прошлом адвокат, а в настоящее время совладелец сети развлекательных заведений, решил выйти из дела, прихватив кассу. Побег разработан до мелочей. Но в последний момент, когда до отлета самолета остались считанные часы, случается непредвиденное: исчезает подельник Чарли, его близкий друг Вик Кавано. Чарли бросается на поиски Вика...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07591-8

© Филлипс С., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Скотт Филлипс

Ледяной урожай

SCOTT PHILLIPS
THE ICE HARVEST

Copyright © Scott Phillips 2000

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2017

© Издание на русс ком языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2017

Часть первая

Глава 1

Стоял холодный и бесснежный канун Рождества. В четверть пятого в бар «Мидтаун Тэп» вошел немолодой мужчина в дорогом пальто. Он приблизился к стойке и ждал, нервно сжимая в руке клубную карту, пока барменша закончит болтать по телефону. Барменша была приземистая крашенная блондинка лет сорока, с блестящим от пота лицом и клочковатыми волосами – будто она сама себя обкорнала спьяну либо в припадке злости. Она хоть и заметила вошедшего, однако всем своим видом стремилась показать, что это не так. Потому-то она и отвернулась, привалившись боком к задней стойке и глядя в сторону черного хода – дабы не видеть ни мужчины, ни его отражения в зеркале у нее за спиной.

В баре было только двое посетителей. Второй – невысокий и щуплый молодой человек в застегнутом наглухо джинсовом пиджаке – сидел у стойки и дремал, подпирая рукой щеку и открыв рот. Меж пальцев его руки тлела сигарета – в опасной близости от кока на голове, щедро смазанного бриолином.

Мужчина расстегнул пальто и подождал еще с минуту, слушая барменшу. Она говорила с легкой хмельной хрипотцой, и если бы он не видел ее, а лишь слышал по телефону, то счел бы, пожалуй, что у нее сексуальный голос. Она, кажется, бранилась с соседкой по квартире. Речь в том числе шла и о чужой незастрахованной машине, попавшей в переделку на дороге. Он понял, что это надолго.

На своей памяти он впервые был здесь при свете дня – если слабый сумеречный свет, едва проникавший сквозь грязное окно у входа, считать дневным. Бар был старый, узкий и глубокий, с погнутым жестяным потолком и длинной дубовой стойкой. На больших черных часах за сценой светились багровые цифры, напротив помещался ряд красных кабинок. Повсюду были развешаны дешевые пластиковые венки из искусственных падуба и омелы. По периметру бара тянулась электрическая гирлянда с разноцветными рождественскими лампочками, которую, наверное, забыли включить. «Я больше сюда не приду», – отчего-то подумалось ему, хотя в последние пятнадцать лет он почти безвылазно сидел в городе, а если куда и выбирался, то на день-два, не дольше.

Вдруг барменша вскрикнула, заставив посетителя очнуться от размышлений:

– Боже мой, Гэри, да у тебя волосы горят!

Молодой человек вскинул голову и смотрел на нее в пьяном недоумении, пока она била его по голове мокрой шипящей тряпкой. Затем, несмотря на слабые протесты Гэри, барменша выхватила у него сигарету, затушила в пепельнице и сунула пепельницу за стойку – вместе с пачкой сигарет и зажигалкой.

– Это я конфискую. – Он хотел было возразить, но лишь опустил голову и снова смежил веки. – Завтра получишь, – пообещала барменша. – Хочешь еще выпить? – Гэри, не открывая глаз, кивнул.

Теперь только она повернулась к новому посетителю и проворковала с притворным удивлением:

– Ой, здравствуйте. А я и не заметила, как вы вошли. Что будете пить? – Она мельком взглянула на его карточку.

– «Канадиан клаб» с водой.

Когда барменша поставила перед ним его виски и стакан воды, а заодно и приготовила выпивку для Гэри, он поинтересовался:

– Томми вернулся?

– Нет, он будет вечером.

– Не могли бы вы ему кое-что передать? – Он протянул ей конверт.

– Конечно. – Взяв конверт, она повертела его в руках, будто искала инструкцию по применению.

– Привет ему от Чарли Арглиста.

– От Чарли Арглиста? – на этот раз искренне удивилась барменша, склонила голову к плечу и пристально взглянула на посетителя. – Чарли, неужели это ты?

– Ну да... – пробормотал он, уверенный, что впервые в жизни видит эту женщину.

– Господи, Чарли, да это же я – Сьюзи Танненгер. Как ты изменился! – Она отступила, чтобы он мог получше ее рассмотреть.

Сьюзи Танненгер, которую он помнил, была стройной миловидной крошкой, моложе его лет на шесть или восемь. Лет десять тому назад он вел ее дело о разводе, и в продолжение процесса ее муж, гражданский летчик, несколько раз угрожал убить Чарли.

Она вышла из-за стойки и крепко обняла его, не преминув слегка толкнуть бедром. Ее бывший супруг не напрасно хотел убить его – свой гонорар, по ее предложению, он получил натурой у себя на рабочем столе.

– Жизнь – странная штука, верно? А ты по-прежнему адвокат? Эй, Гэри, смотри – вот парень, который помог мне отделаться от моего первого!

Гэри поднял голову, пытаясь сфокусировать взгляд, затем заворчал и снова впал в хмельное забытие.

– Чарли, это мой жених, Гэри. Черт, я не знала, что ты в городе. Мы должны с тобой как-нибудь встретиться и поболтать.

– Да, разумеется. – Чарли допил виски и положил на стойку пять долларов. – Ну, мне пора. Надо еще успеть купить подарки. Приятно было повидаться, Сьюзи.

Но Сьюзи не взяла деньги.

– Брось, этого еще не хватало, – сказала она, отталкивая купюру. – С Рождеством!

– Спасибо, Сьюзи, и тебя с Рождеством. – Он направился к выходу. За окном темнело, но Сьюзи не торопилась зажигать верхние лампы. Издали, в сумрачном, дымном свете, он, наконец, узнал ее. – И с Новым годом! – Чарли толкнул дверь и вышел на улицу.

Когда дверь за ним закрылась, Сьюзи посмотрела на Гэри, который храпел, уронив голову на стойку, и вздохнула:

– Вот все вы так.

«Какая разница – попрощаюсь я с Томми или нет?» – думал Чарли, сидя за рулем в теплом и сухом салоне новенького служебного «линкольна» черного цвета, – такой шикарной машины у него еще не было. Он ехал на запад, сам не зная зачем. Было темно и пасмурно – в такую погоду и не понять, день еще или уже вечер.

Он миновал «Хардиз», что напротив старшей школы Грув. На стоянке околачивались дети, как и он в свое время, с той лишь разницей, что тогда вместо «Хардиз» был «Сэндиз». Пусть они живут рядом, его дети не пойдут учиться в Грув. Их определяют в школу почище – одну из тех, что недавно открылись в восточных районах. Ну и славно – к черту лишние воспоминания.

Достав из внутреннего кармана пальто флягу, он сделал большой глоток. Сейчас подходящий случай, чтобы заскочить в бар «Сладкая клетка»; под конец дневной смены ему хотелось в последний раз взглянуть на пару девочек. Так или иначе, время было едва половина пятого, а это означало, что ему предстоит убить где-то еще девять с половиной часов.

* * *

Держа флягу поверх руля, Чарли пытался закрутить крышку, когда в зеркале заднего вида мелькнула патрульная машина, набиравшая скорость. Он быстро схватил руль левой рукой, а правую с флягой опустил вниз, в спешке плеснув бурбоном себе на брюки.

– Вот черт! – Сбоку от ширинки темнело мокрое пятно. – Скажут еще, что я напрудил в штаны.

Ощувив, что машину заносит влево, он в последний момент успел рвануть руль и вернулся в правый крайний ряд. Патруль нагнал его. Полицейский опустил стекло, и Чарли сделал то же.

– Гололед на дороге, сэр! – закричал полицейский против ветра. Лицо его от напряжения стало красным.

– Я уже понял. – Он все пытался вспомнить, как зовут этого копа, но напрасно.

– Вы едете сорок миль в школьной зоне!

– Черт подери. Простите! – Чарли сбросил скорость, и копы тоже притормозили.

– Повезло вам, что это мы вас тут засекли, мистер Арглист.

– Спасибо. С меня причитается.

– С Рождеством.

– С Рождеством, ребята.

Он поднял за них свою флягу, отхлебнул, и они уехали, смеясь и махая ему на прощание. «Пронесло», – подумал Чарли.

Включив радио, он покрутил ручку настройки и нашел полицейский канал. Гнусавый голос зачитывал подробную сводку происшествий: драка в кабаке, предотвращенная днем кража со взломом, несколько автомобильных краж на стоянке у молла. В конце передали обращение начальника полиции, напоминавшего покупателям о необходимости запирать машину и забирать ключи, когда паркуешься у магазина. Затем кантри-певец с не менее гнусавым голосом исполнил песню «Первое Рождество». Чарли снова отхлебнул из фляги. Какой дурак грабит дома средь бела дня, да еще под Рождество?

Глава 2

В «Сладкой клетке» было немногочленно: офисные клерки, которые обычно собирались здесь после пяти, сегодня сидели по домам с семьями или пили в обществе коллег. Компанию Чарли составляли несколько угрюмых студентов и отставной почтальон по фамилии Каллиган. Все они явились, дабы оценить артистизм пышнотелой Расти, рыжеволосой девушки двадцати одного года с подбитым глазом. На левой груди танцовщицы синела грубая татуировка в виде птицы, а правый сосок окружала надпись под стать: «Свободна как птица».

Она двигалась, по своему обыкновению, вяло и медленно, будто не слыша быстрой, энергичной музыки, звучащей из музыкального автомата. Ее согнутые по бокам локти ползали вперед-назад, бедра вращались в противоположные стороны, голова судорожно вздрагивала, взгляд был безучастным.

Однажды Чарли спросил ее, отчего у нее во время выступления такой странный взгляд, и она объяснила, что, как только трусики и бюстгальтер падают с нее на сцену, то есть в момент наивысшего напряжения, она погружается в транс, обретая способность общаться с мертвыми и утрачивая способность слышать музыку, – вот и танцует невпопад. Чарли тогда мрачно кивнул, вежливо отклонив ее предложение вступить в контакт со своими умершими близкими.

Один из студентов, парень в дубленке и горных ботинках, наблюдал за ее выкрутасами на крохотной круглой сцене с выражением такой неизменной печали, что казалось, вот-вот расплачется.

Чарли, сидевший у стойки, принял его за отвергнутого поклонника. Бармен, большой лохматый брюнет, тоже не сводил с парня карих навывкате глаз.

– Кто ей фингал поставил, Сидни? – спросил его Чарли.

– Ее бойфренд, редкий мерзавец. Это случилось пару дней назад. Если б не она, я бы ему все руки переломал. Но она стала клясться, что у них любовь и что он, мол, больше не будет.

– Ну и дела!

– Клянусь, Чарли, я все-таки переломаю ему руки.

– Это не тот тип, что таращится на нее?

– Нет, это какой-то студентка, бывший одноклассник. А ее бойфренд – этаким мелкий прыщ, восходящая рок-звезда – по его собственному мнению, конечно. – Сидни забренчал на воображаемой гитаре.

– Ах, вот почему ты решил искалечить ему руки, а не ноги, например.

– Верно. Знаешь, сколько костей в человеческой руке?

– Понятия не имею.

– Я тоже, но переломаю ему все до единой.

Дверь позади бара открылась, и вошла женщина в темно-сером костюме и черных туфлях на шпильках. У нее были черные волосы с проседью, собранные в тугий пучок, а на лице – ни единой морщинки. О том, сколько ей лет и откуда она родом, можно было только догадываться. Ей могло быть и тридцать пять и пятьдесят пять, а легкий, почти неразличимый акцент едва ли выдавал ее национальность. Чарли доводилось слышать, что она, мол, из Французской Канады, из Греции, Чехословакии, Бразилии, России и Португалии, и все это были лишь случайные догадки.

Увидев, что народу в зале негусто, она покачала головой.

– Отчего-то считается, что раз Рождество, то нельзя смотреть стриптиз.

– Глупости это, ведь даже Бог с Сантой смотрят, – кивнул Сидни.

Женщина вышла из-за стойки и, сев на стул рядом с Чарли, разложила перед собой какие-то деловые бумаги. Сидни открыл для нее бутылку пива.

– Привет, Чарли.

– Привет, Рената, как дела?

– Паршивые у нас дела, – ответила Рената, не отрывая взгляда от бумаг. – Придется, наверное, переезжать за город. – Она сжала губы и прищурилась.

– Да ну?

– Уезжать, либо надеть на девочек трусы, либо не продавать спиртное. Других вариантов я пока не вижу, поскольку власти хотят запретить стрип-бары в черте города.

– Вот суки! – Сидни грохнул кулаком о стойку, и все в зале подскочили, только невозмутимая Расти не прервала своего адажио, исполняемого под песню Beyond.

Рената сочувственно потрепала бармена по плечу, однако во взгляде ее не было ни тени сочувствия.

– Это просто задница какая-то, а не город. Нет, я здесь не останусь. Пора отсюда смываться! – со злостью и обидой воскликнул Сидни, скрещая мясистые руки на груди.

– За городом тоже неплохо, – заметил Чарли, чтобы его подбодрить.

– Да, но люди не поедут туда после работы, верно? – сказала Рената. – А это мой хлеб. О каких чаевых там можно мечтать? Девочкам хватит разве что оплатить аренду сцены. Черт, хоть и правда трусы на них надевай.

– Дерьмо! – кипятился Сидни. – Людям нужны голые девки и пиво, вот что им нужно! А мы им трусы и газировку, чтоб я сдох!

– Верно, – передернула плечами Рената и вздохнула, глядя в бумаги, – голые девки.

– Не уверен, но мне кажется, за вас два решающих голоса в городском совете, – сказал Чарли. – Дело пока не проиграно.

– Нет, проиграно. Уж поверь, эти голоса не на нашей стороне. Я выясняла.

– Что ж, может, и так. – Его все это ничуть не волновало, просто жаль было видеть Ренату загнанной в угол.

– Чарли, а не уступил бы ты мне тот снимок?

– Какой снимок?

– Ты прекрасно знаешь какой. Хочу проучить эту паршивую овцу Билла Джерарда.

– Я бы многое отдал, чтобы увидеть такую фотографию в утренних газетах, – фыркнул Сидни, – на первой полосе!

Чарли облокотился на стойку и задумался. Он уезжает, и плевать, что станет с пленкой. По сути, это еще один способ насолить Дикону, Биллу Джерарду и всей их шайке. Пусть они проснутся завтра утром и обнаружат, что пленка исчезла, а заодно Чарли, Вик и еще кое-что.

– Сидни, я сегодня угощаю адвоката, – сказала Рената.

Поднявшись, она встала позади и положила руки ему на плечи. Он почувствовал, как ее длинные красные ногти пронзают его пальто и рубашку. Кровь бросилась ему в пах, голова покрылась мурашками, щеки жарко вспыхнули. Она пару раз нежно его обняла, будто прочитав его мысли.

– Пока, Чарли, увидимся. – С этими словами Рената направилась к выходу. – Вернусь через пару часов! – крикнула она Сидни, не оборачиваясь.

Все мужчины, за исключением несчастного одноклассника Расти, повернулись, завороченные движениями ее стройных бедер. Стриптизершам, что выступали в «Сладкой клетке», было до нее далеко. Причем никто и никогда не видел, чтобы Рената раздевалась, – она могла разве что снять пиджак.

Когда дверь за Ренатой закрылась, глухо стукнув, мужчины вновь переключили внимание на Расти и пиво, но с таким видом, будто недавно пробудились от приятного сна и потихоньку осознавали его несбыточность. Старый пьяница Каллиган очнулся первым. Он бешено заплодировал, когда песня закончилась и Расти вернулась в мир живых.

– Давайте отблагодарим ее, ребята, она славно выступила, – радостно заскрипел Каллиган и полез в нагрудный карман за бумажником. Взяв протянутую ей десятидолларовую

бумажку, Расти опустила деньги в бокал для виски, стоявший на краю сцены. – Не скупитесь, ребята, ведь она чертовски хороша.

Пара студентов неохотно зашелестели наличными, подсчитывая свои капиталы. Печальный парень в дубленке уставился на Каллигана.

– А волосы какие, видите? – продолжал тот. – Эта рыжая щетка, да ведь она натуральная! Не какая-нибудь крашенная подделка. У Расти все натуральное.

Выступление любой стриптизерши сопровождалось подобным отзывом, и сегодня был вариант для рыжеволосых. Расти, казалось, не слышит, но выражение любовной тоски на лице парня сменилось гримасой смертельной ярости. Каллиган облизнулся и похотливо причмокнул:

– Готов поспорить, что не знаете, какова такая щетка на вкус, ребята. – Его водянистые глазки блестели, как у слабоумного.

Парень вскочил, издав не то всхлип, не то боевой клич, и бросился на Каллигана. Стул под стариком не выдержал и громко затрещал.

– Заткнись, заткнись, заткнись, – выкрикивал студент.

Сидни с проклятиями схватил бейсбольную битку, которую держали на всякий случай, перемахнул через стойку и направился к скандалисту, постукивая себя битой по левой руке.

– Донни! – взвизгнула Расти, с ужасом наблюдавшая за этой сценой. – Прекрати!

Донни будто не слышал. Его товарищи нервно вскочили, готовые прийти ему на помощь, но одного взгляда в сторону Сидни им было достаточно, чтобы передумать.

– Я калека! Я калека! – завывал старик.

Донни навалился на него и не давал пошевелиться.

– Не бей меня!

– А-а! – вдруг вскрикнул студент.

Это Сидни врезал ему битой по колену, после чего тот бросил Каллигана и шлепнулся на пол, держась за ногу и тяжело дыша. А Каллиган, осознав, что остался цел и невредим, поскорее пересел на другой стул.

– Сидни, хватит! Прекрати! – надрывалась Расти.

Донни, ободренный столь бурным сопереживанием возлюбленной, поднял голову, и тут на него обрушился второй удар – на этот раз по голени. Расти, увидев это, бросилась к нему со сцены и запричитала:

– Донни, Донни, он сделал тебе больно?

– Да, очень больно! – заверил ее Сидни. Теперь он отдувался, опираясь о битку, точно это была клюшка для гольфа.

Трое студентов, которые до той поры боялись пошевелиться, стали пятиться к двери.

– Эй, вы! – гаркнул Сидни, властно протягивая в их сторону свое орудие. Они в ужасе замерли. Бармен указал битой на сцену, где в бокале для виски лежала одинокая десятидолларовая бумажка. – Отблагодарите даму.

Те покорно приблизились, обогнув своего поверженного товарища, и каждый сунул в бокал по паре долларов, после чего компания снова потянулась к выходу.

– Эй, ребята, куда же вы? – окликнул их Каллиган, который успел позабыть о недавнем происшествии по причине склероза. – Оставайтесь посмотреть номер Эми Сью – эта крошка заводит что надо!

– Оставайтесь, чего уж там, – смягчился Сидни. – Вот только ваш приятель подождет вас за дверью.

Лежащий на полу бузотер плакал в объятиях Расти.

– Донни, Донни... – ворковала она, ласково глядя его по волосам. – Бедненький ты мой. – Донни пробормотал что-то неразборчивое. – Что? Что ты говоришь? Я не слышу.

– Ронни, – повторил он громче. – Меня зовут Ронни.

Эми Сью, худощавая брюнетка в блестящем мини-бикини синего цвета, щелкала кнопками на музыкальном автомате, выбирая песни. Малочисленность публики ее не смущала. Под звуки первой композиции она поднялась на сцену, и выступление началось.

– Вставай, Ронни. – Сидни легонько стукнул битой о подошву его ботинка. – Тебе пора.

– Да, идем, Ронни, – позвала Расти. – Посидим у меня в машине, пока твои друзья будут смотреть номер Эми Сью.

Она помогла ему встать, потом накинула халат Эми Сью, а сверху надела дубленку своего героя, который все всхлипывал и шатался. Казалось, он и не заметил, как его раздели, ошеломленный болью в ногах и неожиданным вниманием своей богини.

Когда они вышли, его приятели, пожав плечами, уселись досматривать шоу. В конце концов, у них еще оставался почти полный кувшин пива.

Сидни вернулся за стойку и поставил новое пиво для Чарли.

– Господи, – вздохнул бармен, – что-то будет дальше?

Каллиган, еще недавно полный энтузиазма, вдруг охладел к Эми Сью и решил поболтать с Чарли. Доковыляв до стойки, он с трудом взобрался на высокий стул и спросил:

– А ты, случайно, не собираешься сегодня в «Раму», Чарли?

Час назад у него не было таких планов, но теперь появились: он хотел изъять у Билла Джерарда фотографию, чтобы передать ее Ренате.

– Ну да, собираюсь. Тебя подвезти?

Голова Каллигана дернулась сверху вниз, как у деревянного болванчика.

– Конечно.

Чарли осушил свой бокал до пенистого дна и поднялся.

– Я еще вернусь, – сказал он бармену.

– Приводи друзей, – ответил Сидни, – а то сегодня выручки кот наплакал.

– Обязательно.

Эми Сью проводила их обиженным взглядом – они уходили, не дождавшись конца выступления. Впрочем, они о ней совершенно забыли.

Глава 3

– Этот парень меня все-таки помял, – говорил Каллиган, брызгая слюной на переднее стекло машины. Его левая рука, согнутая в локте, болталась из стороны в сторону, точно маятник, норовя задеть правую руку Чарли. – А руку мне еще в сорок третьем покалечили.

– На войне?

– Да на какой к черту войне? Я не воевал. На хоккее! Тогда каждый авиационный завод имел свою команду, и мы играли на коробке по воскресеньям. А в то время парни в тылу чувствовали себя неполноценными какими-то. Нам казалось, что все вокруг должны видеть в нас фриков, гомиков или трусов. И мы постоянно стремились доказать, что мы не хуже других. И потому больше дрались, чем играли в хоккей. Я думаю, зрители приходили, чтобы поглазеть на драку, а не на игру.

– Я помню, как отец брал меня раз или два на хоккей. Мне тогда было лет шесть-семь, в самом конце войны.

– Выходит, сэр, что первые увечья я получил довольно рано. Как-то раз один толстый сварщик припечатал меня к борту, сломав руку и бедро. Я, правда, успел его достать клюшкой – чуть глаз ему не выбил. – Старик мечтательно улыбнулся, смакуя приятные воспоминания.

С неба посыпался снежок. Темное шоссе освещали лишь редкие фонари. Попутных машин почти не было. Чарли знал, что в клубе сейчас пусто, и девочки станут ныть и жаловаться на недостаток посетителей, будто он нарочно устроил Рождество, чтобы досадить им.

Сидевший рядом Каллиган заунывно бубнил, описывая муки, которые выпали на долю его многострадального тела за годы пьянства: контузии, вывихи, переломы, ожоги третьей степени – и всякий раз, явно или косвенно, виноват был он сам. Словом, юный поклонник Расти был далеко не первым, кто не сдержался и полез в драку на Каллигана.

– Ты когда-нибудь был женат, Чарли?

– Что?

– Я говорю, ты был когда-нибудь женат?

– Да...

– Тогда ты меня поймешь. Бабы куда опаснее мужиков. Видишь вот это? – Каллиган указал кривой, узкий шрам у себя на лбу, рассекавший пополам левую бровь. – Еще чуть-чуть – и ходить мне без глаза.

– Жена постаралась?

– Спрашиваешь! Но я и сам был хорош.

– Может, ты ударил ее?

– Да я за всю жизнь ни одной бабы и пальцем не тронул! – возмутился тот. – Господи, за кого ты меня принимаешь?

– Ну, извини, – пожал плечами Чарли.

– Не бил я ее. Я просто бросил ее с двумя детьми-школьниками.

– Я и не знал, что у тебя есть дети.

– Есть. От нее двое, и еще одна дочка – твоя ровесница. Теперь они знать меня не хотят, потому что матери их против меня настроили.

– Жаль.

– А мне плевать. Не всем же быть хорошими отцами. – Помолчав, он спросил: – Ты не в курсе, Булочка сегодня выступает?

Когда они подъехали к клубу, Чарли рассеянно отметил, что неоновая реклама с фигурой танцовщицы снова нуждается в ремонте: высокие белые сапожки у девушки и две буквы в названии опять потемнели. На стоянке было только три машины.

– Похоже, шоу будет в твою честь, – сказал он Каллигану.

Снег пошел гуще.

В клубе одна из танцовщиц визгливо кричала, толкуя о чем-то бармену. Бармен посмотрел на вошедших, а она не обратила внимания.

– Я не собираюсь бесплатно пахать в Рождество! – Из одежды на ней были только стринги. – Какого черта я должна работать в праздники? Я могла бы сейчас встречать Рождество дома с детьми!

– Твой муж забрал детей, Фрэнси, – терпеливо отвечал бармен ласковым баритоном, – они уехали в Денвер.

– Да пошел ты к черту, Дэннис! И как тебе только не стыдно напоминать мне об этом? – Она села на стул и расплакалась.

– Брось, Фрэнси, не надо. Все не так уж плохо. Посмотри, Каллиган пришел.

Фрэнси подняла заплаканные глаза.

– Привет, Фрэнси. У тебя чудесная прическа, – сказал Каллиган, сияя от радости.

На Фрэнси был тот же парик, что и всегда, – черные кудри до середины спины. Чарли хоть и был знаком с ней десять лет, но понятия не имел, как выглядят ее натуральные волосы. Не исключено, что она вообще лысая.

Не удостаивая вниманием Каллигана, она напустилась на Чарли:

– Ты слышал, что я сказала Дэннису? Я не стану сегодня работать. С каких шишей я заплачу таксу в четвертак, если мне светит от силы десять баксов?

– Ты знаешь, Фрэнси, что я не жмот, – обиделся Каллиган.

– Ладно, двадцать. Все равно я попадаю на пять баксов. И я должна отдать Биллу Джерарду пять баксов, чтобы этот старый козел всю ночь дробил на мой голый зад? Большое спасибо!

Чарли вздохнул. Знакомые речи, слышанные тысячу раз, – за шесть или семь лет от одной только Фрэнси раз сто.

– Фрэнси, ты не можешь работать, лишь когда тебе захочется. Ты должна выходить на работу в любое время – не важно, есть в клубе посетители или нет. Если ты хоть один раз без уважительной причины пропустишь свою смену, то лишишься места, понятно?

– Мне понятно, что сегодня Рождество, и никого нет, а я должна платить двадцать пять долларов за аренду сцены, танцуя для пустого зала!

– Но я-то здесь, – хриплым от похоти и обиды голосом возразил Каллиган.

– Давай, Фрэнси, станцуй для старика Каллигана, – прогудел из-за стойки Дэннис.

Она гневно обернулась:

– Я же тебе сказала: если он даст двадцать, то пять я остаюсь должна!

– Я согласен на двадцать пять, крошка, – заныл Каллиган.

– А работать я должна бесплатно?

Чарли поднял руку:

– Послушай меня, Фрэнси: если ты согласишься выступить, то арендная плата будет за счет заведения. В честь праздника.

От удивления Фрэнси не сразу нашлась с ответом. Дэннис, скептически подняв бровь, загремел посудой. А Каллиган схватил Фрэнси за руку и потащил к сцене. Она растерянно обернулась, не зная, как воспринимать этот жест щедрости.

– Спасибо, Чарли.

– С чего это ты вдруг проникся симпатией к трудовой женщине? – спросил Дэннис, ставя перед ним пиво.

Тем временем Фрэнси задвигалась на маленькой сцене под сладкую эстрадную песенку. Каллиган завороченно следил за ней.

– Кто еще здесь есть? – в ответ спросил Чарли, отхлебывая пива.

– Булочка. Она в офисе. Я обещал позвать ее, если кто-то появится.

– Она уже заплатила за аренду?

– Конечно.

– Дай-ка сюда деньги.

Прежде чем открыть кассу, Дэннис искоса взглянул на Чарли и поинтересовался:

– А с Виком вы это утрясете?

– Не беспокойся. Я сам заплачу, если что.

Дэннис подал ему две купюры по десять долларов и одну пятидолларовую.

– Я не о том, Чарли. Я о том, что ты создаешь прецедент.

– Сегодня Рождество, Дэннис. Христос родился. – Сказав так, Чарли отправился в офис с деньгами для Булочки.

Тем временем Фрэнси, успевшая сбросить трусы, так и этак изгибалась на сцене, пытаясь выхватить пять долларов из протянутой дрожащей руки Каллигана.

Булочка, в блестящем золотом бикини, сидела за столом Чарли и читала книгу – дешевое бульварное издание биографии Ганди. Стул под ней подпрыгивал в такт музыке, доносившейся из зала. Когда вошел Чарли, она едва удостоила его взглядом.

– Музыка значит, что у нас клиенты. Так, что ли?

– Только Каллиган. Вот, возьми. – Чарли протянул ей деньги.

– А это что за хрень? Праздничный бонус?

– Это твоя арендная плата. Сегодня за счет заведения.

Булочка недоверчиво поглядела на двадцать пять долларов у себя в руках, затем пожала плечами и сунула деньги в сумочку.

– Спасибо. Лишний четвертак никогда не помешает. Между прочим, сегодня я видела детишек Дезире, – хмуро прибавила она.

– Где? – тихо спросил Чарли.

– В доме ее сестры. Я им подарки отнесла.

– Дети в порядке?

– О чем ты, Чарли? А сестре, похоже, нет никакого дела до Дезире. Уехала, мол, ну и скатертью дорожка.

Чарли тоже не хотелось думать о Дезире.

– В конце концов, она объявится.

– О да, это несомненно – как и то, что Санта сегодня ночью спустится в камин по трубе.

Чарли кашлянул, прочищая вдруг запершившее горло. Отводить взгляд от сейфа становилось все труднее.

– Иди-ка ты в бар и скажи Дэннису, чтобы выдал тебе пива бесплатно.

– Бесплатно? – переспросила Булочка.

– Ну да. Я буду через минутку.

Она закрыла книжку и встала.

– Какой-то ты странный сегодня, Чарли.

Она вышла, и вскоре из-за двери долетел ее радостный вопль: «Каллиган!»

Набрав секретный код, Чарли открыл сейф и вынул небольшой коричневый конверт. В конверте лежала узкая полоска черно-белой негативной фотопленки 35 мм. Он поднес негатив к свету, дабы убедиться, что это та самая пленка. Первые три кадра с вечеринки не представляли для него никакого интереса. Зато четвертый оказался подлинной жемчужиной: на нем был запечатлен пьяный член городского совета, совершающий акт содомии с Булочкой, которая равнодушно глядела прямо в объектив.

Чарли было немного совестно отдавать негатив Ренате, поскольку член совета был его однокашником по юридическому факультету и некогда их считали друзьями. Но рано или

поздно Билл Джерард все равно дал бы ход этой фотографии. С этой мыслью Чарли вытащил флягу и отхлебнул виски. А надо ли рассказывать Вику? Нет, не стоит. Ведь к моменту их встречи пленка будет уже у Ренаты.

Глава 4

Когда Чарли вышел из офиса, его мутило, чесались глаза и в забитом носу щипало. Он толкнул дверь мужского туалета, встал у единственного ного писсуара, расстегнул ширинку и обильно помочился. В прошлом они с Виком хотели установить здесь несколько писсуаров и вторую кабинку, но пожалели денег. Дэннис тоже был против. Он сказал, что наличие второй кабинки будет потворствовать естественным наклонностям некоторых клиентов, которые станут запираяться там и мастурбировать, зная, что те, кому необходимо справить нужду, могут воспользоваться соседней кабинкой.

«А ведь я тут в последний раз», – подумал Чарли, когда его взгляд упал на автомат с презервативами, висевший на стене над раковиной. Женщина из комиксов в платье кислотного цвета предлагала латексные изделия по пятьдесят центов штука, удобные, надежные, ребристые для повышения удовольствия партнерши. Чарли встряхнулся и вымыл руки.

Очень маленький персонаж в лазурном крапчатом костюме и с прической каре присоединился к Каллигану у алтаря Фрэнси. Булочка сидела за стойкой и читала свою книжку. Дэннис, облокотясь на полку с бутылками, листал помятый порнографический журнал, найденный им накануне в кабинке мужского туалета. Журнал он держал кончиками пальцев, точно дохлую крысу, из страха заразиться чем-нибудь или испачкаться. Чарли влез на стул рядом с Булочкой и спросил, указывая на книгу:

– Что там новенького у старика Махатмы?

– Он умер, – ответила Булочка, не поднимая головы. Перед ней стояла полупустая бутылка пива.

– Я запишу ее пиво в твой счет, – сказал Дэннис, ставя бутылку для Чарли.

В ответ Булочка возмутилась:

– Я же тебе говорила. Он сказал, что это бесплатно!

– Да слышал я. Чарли...

– Да, сегодня бесплатно. Могу я раз в сто лет побаловать танцовщиц в собственном заведении? – Чарли огляделся, чувствуя жаркую злость. Нужно выйти на воздух – охладиться, проветриться и возвращаться в «Сладкую клетку».

– Ладно, Чарли. Ты здесь босс. Однако мне не хотелось бы, чтобы Вик узнал об этом.

– Если ты не проболтаешься, он и не узнает.

– А кстати – почему он сегодня не приехал? – поинтересовалась Булочка.

– Решил взять отгул в честь Рождества, – ответил Чарли, отмечая, что язык начинает заплетаться – верный знак того, что пора на выход.

– Зачем ему отгул на Рождество? Он живет один. Ни Бонни, ни детей давно не навещает. У него и друзей-то нет, только вы двое.

– Думаю, он улетел в Цинциннати навестить мать, – соврал Чарли. Вместо «Цинциннати» у него вышло «цнати». Все, надо срочно отсюда сваливать.

– Ерунда, – возразил Дэннис. – Я видел его сегодня днем. Он приезжал с какими-то бумагами.

Дверь открылась, и вошли прежние студенты, за исключением драчуна Ронни. Увидев Каллигана, который глазел, открыв рот, на возвращающийся передок Фрэнси, они нерешительно остановились. Тогда Булочка встала и направилась к вошедшим.

– Убавь отопление, Дэннис, – попросил Чарли, все больше страдая от жары.

– Как же! Наши голые сотрудницы это оценят.

– Ну что ж, – Чарли поднялся и допил пиво, – тогда я пошел.

Он направился к двери, мимо Каллигана. Ничего, кто-нибудь другой подбросит его до дома.

В дверях он на минуту задержался, чтобы ощутить, как ледяной ветер пробирается под пальто, швыряет в лицо колючие снежинки.

– Ты озверел, что ли, Чарли! – пронзительно взвизгнула Булочка. – Закрой дверь! Я голая!

Обернувшись, он увидел, что она и впрямь уже совершенно голая стоит на сцене, а трое студентов покорно расселись за ближайшим столом.

– Эй, ребята, не скупитесь, Булочка заводит что надо! – было последнее, что успел услышать Чарли, закрывая дверь. Каллиган, разумеется, не узнал их.

* * *

Надо бы поесть, думал Чарли, пока его «линкольн» плавно двигался к югу, обратно в город. Шел густой мокрый снег. Половина местных идиотов не в состоянии управлять машиной во время снегопада. Чарли нежно прижал педаль тормоза, отпустил, снова прижал, чувствуя, как машина каждый раз подскакивает, когда он убирает ногу, затем закрыл глаза, а «линкольн» совершил полный оборот на триста шестьдесят градусов и будто по волшебству вернулся в начальное положение.

Почувствовав, что машина вновь ему послушна, он включил радио – на коротких волнах собачий хор исполнял Jingle Bells. Настроение было отличное.

Менее чем через полмили начался город. Почти сразу Чарли заметил у дороги тусклый оранжево-коричневый знак «Хардиз». На стоянке было пусто. Выйдя из машины, он с силой толкнул входную дверь и немедленно должен был обеими руками вцепиться в ручку двери, чтобы не упасть на скользкий бетон. Под стеклом висело отпечатанное на машинке объявление:

«Дорогие друзья!

24 декабря мы работаем до пяти часов вечера.

На Рождество наш ресторан будет закрыт, дабы наши служащие могли провести праздник с семьей».

– А какого черта у вас тогда свет горит? – заорал Чарли и пнул дверь ногой. Зал ресторана и впрямь был ярко освещен. Чувствуя горячее желание швырнуть камень в зеркальное стекло, Чарли резко повернулся, ноги разъехались на обледенелых ступенях, и он со всего маху приложился копчиком к промерзшей дороге.

В первое мгновение он даже растерялся. Он сидел на земле с занемевшим от холода и удара задом и ведром холодных соплей вместо головы, напрасно пытаясь сдержать слезы унижения и ярости. На стоянку свернул зеленый японский седан и остановился в десяти футах от Чарли. Чернокожий парень лет пятнадцати опустил стекло.

– Эй, что с вами?! – крикнул он.

– Ничего. Я просто поскользнулся, – нехотя ответил Чарли.

– Поехали, – торопил водитель, – он в порядке.

– Вам точно не нужна помощь?

– Точно, черт подери. – Чарли уже зашевелился, соображая, как ловчее встать на ноги.

– С Рождеством! – Парень поднял стекло. Машина запыхтела, развернулась и исчезла среди метели.

Чарли похромал к своему «линкольну». Где же поесть в Рождество, если даже супермаркеты не работают?

Проезжая по опустевшей главной улице, он снова слушал полицейское радио. На этот раз диктор передавал подробности драки в таверне. Наконец, в одном заведении у дороги он заметил свет. Это был ресторан «Медная свеча».

Чарли пересек свободную соседнюю полосу и подъехал прямо под окно. Сквозь ветки сосны, росшей у окна, он видел, что официантка несет заказ к многолюдному праздничному столу. Он помедлил, думая, не отогнать ли машину на стоянку поблизости, но потом решил, что не стоит беспокоиться. Он просто умирал с голоду. Да и на стоянке, казалось, нет мест.

В желтоватом свете фойе, обшитого дубовыми панелями, зеленели сосновые гирлянды, рдели бархатные ленты, тускло поблескивали колокольчики и ангелы из золотой фольги. Музыка, смех и веселые крики доносились сюда из большого зала и бара. Все это напоминало скорее Новый год, а не Рождество. А вдруг и правда? От этой мысли Чарли похолодел. Нет, пробудь он в городе неделей дольше, все было бы кончено. Это было бы ужасно, непоправимо.

– Привет, Чарли. С Рождеством! – сказала распорядительница, пухлая миловидная брюнетка. Чарли все забывал ее имя. Что-то на «К»: Кристина, Кэтлин, Кассандра? – Ты в бар?

Он по привычке собрался ответить «да», но вовремя вспомнил, что нужно поесть.

– А кухня еще работает?

– Конечно. Вот, пожалуйста. – Она протянула ему меню. – Для тебя есть свободный столик у окна.

– Отлично.

Чарли прошел через малый обеденный зал к окну, где ждал обещанный столик с хвойным букетом и длинной горящей свечой посередине. Он сел, огляделся в поисках знакомых и, поскольку знакомых не было, уставился в окно, забыв о меню.

В свете новых уличных фонарей все было оранжевым, даже снег. А старые фонари давали зеленовато-голубой свет. А потом установили новые, которые дают ртутные испарения. Или все было наоборот? Старые давали испарения, а новые что-то другое? В театре через дорогу шел спектакль «Чудеса на 34-й улице». В кассе стояла очередь за билетами. Изредка по дороге медленно проезжали машины. А одна летела как на пожар, выписывая сумасшедшие зигзаги.

Чарли со страхом наблюдал, как она приближается к его «линкольну», как ее заносит из стороны в сторону. Однако все обошлось. Машина миновала «линкольн» и помчалась дальше на запад, неся смерть чьей-то еще радости и гордости. Интересно, отчего он так переволновался? Послезавтра «линкольн» все равно достанется Дикону. С Рождеством тебя, мерзавец.

Глава 5

Время было начало девятого. Он сидел в ресторане больше часа, с тарелкой бараньих ребрышек и бутылкой красного вина, и смотрел, как падает снег за окном. До встречи с Виком оставалось еще семь часов, и Чарли понятия не имел, куда поехать и чем заняться после того, как он отдаст негатив Ренате. Ехать домой было еще рано.

– Чарли? – окликнули его.

Он обернулся. К его столу подошел очень тучный человек высокого роста в прекрасно сшитом костюме.

– Питер ван Хойтен приходится вам родней, если не ошибаюсь?

– Хм...

– Не могли бы вы отвезти его домой? Мне бы очень не хотелось, чтобы он садился за руль в таком состоянии. Особенно на Рождество.

– А где он?

– В баре. Если бы вы подошли к нему...

– Хорошо. – Прикончив порцию бараньих ребрышек, он чувствовал себя готовым на любые подвиги. Если надо, он с ветерком домчит Пита домой.

– Спасибо, Чарли. Вино вам в подарок. С Рождеством!

«Здесь меня любят, – подумал Чарли. – Я знаменитость. Даже уезжать не хочется». Он встал, морщась от боли в бедре, и поковылял в бар.

В баре яблоку негде было упасть. В толпе Чарли узнал члена городского совета, которому на протяжении последних шести-семи лет не раз давал крупные взятки, местную светскую львицу и дирижера городского симфонического оркестра. Как и все прочие, они отчаянно флиртовали направо и налево, ведь считается, что Рождество не Рождество, если не подпишишь кого-нибудь в баре.

Увидев Чарли, пьяный Питер ван Хойтен загоготал:

– Чарли Арглист, иди сюда, сукин сын! – Он пошатнулся и уцепился за стойку.

Вокруг стоял адский шум, но Питер кричал громче всех, адресуя свои грубые приветствия равно знакомым и незнакомым. Его спортивный твидовый пиджак с надорванным карманом был, мягко говоря, помят, рыжеватые волосы стояли торчком, и все же в нем чувствовалось некое пьяное бравадное достоинство. Вопреки страшной тесноте, справа и слева от него было свободно, так как его шаткое тело отбрасывало любого, кто пытался встать рядом.

– Будь ты проклят, Чарли, ведь мы с тобой почти родня. Вот так удача! Какая встреча под Рождество! Что ты пьешь?

– Красное вино.

– Брось эту дрянь, Чарли, пей скотч! Детка, налей моему свояку той же отравы, что и мне!

Девушка-барменша, с каменным лицом, налила и поставила виски для Чарли. Видно было, что ей не терпится выставить Пита вон и она ждет лишь команды начальства.

– Ты только полюбуйся на этих жалких сосунков. Замшевая тройка, чтоб я сдох! – Он указал на одетого с иголки молодого адвоката, знакомого Чарли, увлеченно беседующего с женщиной своего типа. – Цивилизация катится ко всем чертям, когда мужики начинают одеваться в такие тряпки.

– Чем ты сейчас занимаешься, Пит?

– Дома проектирую. Деньги гребу лопатой. Нет, серьезно. А ты как поживаешь?

– Нормально, как всегда.

– Все в той же банде? – заорал Пит, а Чарли невольно поморщился. – Ладно, приятель, ты ведь знаешь, это я любя.

– Как дети? – спросил Чарли.

– Должно быть, хорошо, – помешкав, ответил Пит. – Лесси... нет, Мелисса... ходит на плавание. А может, это Спенсер ходит...

– Я не о своих детях, а о твоих.

– А, о моих... Да с ними полный порядок. Все нормально.

– Где сегодня Бетси?

– У своих стариков, сегодня же Рождество. О боже... – Он с притворным ужасом взглянул на часы. – Я опоздал на три часа... – Пит не договорил, расхохотавшись.

Он смеялся до тех пор, пока колени не подогнулись и он не съехал, скользя спиной по стойке, на пол. Сидя на корточках, он сипел, стонал и раскачивался от беззвучного хохота, прижимая руки к животу, а по щекам его текли слезы.

За стойкой появился владелец ресторана. Он молча перевел взгляд с Пита на Чарли и указал глазами на дверь. Понимая, что Пит не одобрит его предложения подбросить его домой, Чарли выдвинул другое:

– Слушай, я собираюсь в «Сладкую клетку». Хочешь со мной?

Пит, продолжая смеяться, поднял голову.

– Туда, где голые бабы? Еще бы!

Чарли помог ему подняться, и они вышли.

«Линкольн» уже скрылся под белым матрасом, а снег все падал, густой и неторопливый. Пит щелкал переключателями отопления на приборной доске, чтобы прибавить жару.

– Боже, как я тебе завидую, – говорил Пит, притихший вдали от ресторанной толпы.

– В смысле?

– Если бы у меня только хватило духу расплеваться с этой чертовой семейкой.

– Это была не моя идея.

– Все равно. Но Бетси не отпустит меня без королевских отступных. Она, понимаешь ли, хочет блистать в свете.

– Да. Они с Сарабет в этом похожи.

– Да уж, Сарабет страшная женщина. Страшнее, чем Бетси. Но их мать просто мегера.

– Все три совершенно чудовищны.

– Точно, – фыркнул Пит. – Готов поспорить, что мамаша Хеннестон потирала ручки, когда ее дочери нас окружили. Адвокат и архитектор! Какая удача!

– А что? Мы с тобой два денежных мешка, разве не так?

– Нет, ты только подумай, Бетси мне полгода не давала! Представь, она за маньяка меня держит! А все потому, что я хочу ее трахать даже после того, как она родила мне библейский минимум детей – три штуки.

– У вас уже трое?

Пит нахмурился, подсчитывая.

– Да. Младшая – девочка, ей три с половиной. Давно ты у нас не был, Чарли. – Он потянулся и зевнул. – А что в «Сладкой клетке»? Это ведь твой клуб?

– Не мой, но есть одно дельце.

– Понятно! Мафиозные терки. Интересно, какое дельце? Толкаешь небось партию кокаина?

– Попридержи язык, ладно?

– Слушай, а правда, что Вик Кавано отрубил руку какому-то типу?

– Кто тебе сказал?

– Я так и знал! – воскликнул Пит, приняв вопрос Чарли за утвердительный ответ.

– И все-таки кто?

– Один знакомый, поставщик цемента. Я обмолвился, что у моего бывшего свояка бизнес с Виком Кавано, а он и говорит: мол, один посетитель в «Раме» схватил стриптизершу за передок во время выступления. За это Вик отволол бедолагу на задворки и отрубил ему руку. Нет, обе руки.

– Да, да, так оно и было, – усмехнулся Чарли, подумав, что если бы за такую провинность полагалось отрубать руки, то город был бы полон безруких мужчин.

– А женщина, что исчезла недавно, – она ведь у тебя работала?

– Не то чтобы у меня лично, но она танцевала в «Раме».

– Выходит, ты был с ней знаком?

– Да, немного.

– Что, по-твоему, произошло? Ее убили?

– Думаю, она сбежала с любовником. Обычное дело.

– В газетах пишут, что у нее остались двое детей.

– Хм... Ну и что?

– Ты считаешь, она из тех женщин, что бросают детей?

– Понятия не имею.

– В газетах так написано, будто ее убили.

– Ага. И что она святая. Будь они прокляты, эти газетчики. Где-то с месяц после того, как Дезире сбежала, прихожу я в клуб, а у стойки сидит телка и точит ляды с барменом. Я думал, она пришла на работу устраиваться, а оказалось, она берет у него интервью для газеты. Я тут же вышвырнул ее вон, но она успела поговорить с Фрэнси и Булочкой.

Пит рассмеялся.

– Фрэнси и Булочка. Как два пуделя.

– Ну так вот, Фрэнси и внушила этой романистке, что Дезире убили, иначе она ни за что не бросила бы детей.

– И правда: почему она бросила детей?

– Да мало ли, какие у нее были причины! Будто матери не бросают детей! А эта журналистка представила ее так, словно она судья Картер и Элеонора Рузвельт в одном лице.

После той статьи в газете Чарли имел неприятности с копами, прокуратурой и Виком, и все потому, что в их клубе якобы неподходящая обстановка для работы молодой матери двоих детей.

– Эй, Чарли, а тебе случается трахать стриптизерш?

– Бывает. По большому желанию, по пьяни или когда все достало.

– А у меня все вместе почти постоянно. А правда – нет ли у тебя кокаина?

– Нет. Ты поосторожнее с этим, а не то нам обоим не поздоровится.

В «Сладкой клетке» было пусто. Сидни громко разговаривал по телефону. Не глядя на вошедших и не умолкая, он открыл и выставил на стойку две бутылки пива. Красный от злости, он ревел в трубку, брызжа слюной:

– Если это не подлость с твоей стороны, то я не знаю, как это называется! Возьми свое рождественское полено, смажь жиром и сунь себе в задницу!

Пит наклонился и зашептал на ухо Чарли:

– Если у тебя дело к этому парню, то ты не вовремя.

Чарли вытащил свою флягу, отхлебнул и передал Питу. Тот пил, одним глазом следя за Сидни.

– Ты крупно пожалеешь об этом, беззубая старая сука! Я обещаю, ты проклянешь тот день, когда родилась на свет! – Он швырнул трубку, затем снова схватил, гаркнул что-то в телефон изо всей мочи и напоследок несколько раз ударил трубкой по рычагу. Потом, тяжело дыша, посмотрел на Чарли и Пита. – Простите. Это моя мать. Она хочет, чтобы я забрал детей

не завтра, а сегодня, потому что им с ее дебилом-мужем приспичило отправиться спозаранку в «Сад богов». В шесть утра!

– Рената здесь? – спросил Чарли. – Я должен ей кое-что передать. – Он нервничал, держа конверт в руках, будто боялся, что тот может выскочить и сбежать.

– Она вернется около полуночи. Оставь, я ей передам.

– Нет, я лучше сам.

– Хорошо, – пожал плечами Сидни.

– А где девочки? – застонал Пит.

– А где клиенты? – в тон ему ответил Сидни. – Расти уехала с обидчиком Каллигана. Эми Сью сидит в офисе и ждет, когда появятся клиенты. Анита должна подъехать, но ее нет. Почему только Рената не позволяет мне закрыться? А ты закрыл «Раму»?

– Нет пока.

– Будем надеяться, что народ набежит после праздничной службы в церкви.

– Может быть. – Чарли прикончил пиво. – Сколько мы тебе должны?

– Рената сказала, что сегодня ты пьешь за счет заведения. Я передам ей, что ты приходил.

– К двенадцати я вернусь.

– Боже, мне придется все-таки ехать за детьми, а Ренате работать сегодня в ночь. Ох, и разозлится же она.

– Когда она увидит, что я ей привез, то сразу пообреет, – сказал Чарли, похлопывая себя конвертом по ладони.

В машине он сунул конверт в бардачок.

– А теперь куда?

Глава 6

Клуб «Снифтер», пристроившийся на углу молла, между химчисткой и магазином открыток, работал ежедневно с четырех часов дня до двух утра. Помимо тусклых лампочек, скрытых среди красной бархатной обивки стен и позади бара, на каждом столе горели свечи в круглых хрустальных подсвечниках. Меню было дорогим и консервативным: бифштекс, раки, жареная форель. Чарли получил здесь членскую карточку, едва ему исполнилось двадцать один год. На время его брака «Снифтер» стал его вторым домом, особенно под конец, когда здесь он находил и партнерш для секса. Близкое знакомство завязалось у него с полудюжиной более или менее привлекательных женщин разной степени алкогольной зависимости, которые сменялись примерно раз в две недели. Все вполне устраивало Чарли до тех пор, пока одна из них как-то не сообщила мрачным и взволнованным голосом, что ее муж нанял детектива и купил револьвер. Чарли хоть и не поверил в этот мелодраматический бред, однако занервничал и видаться с ней перестал. Не то чтобы он совсем прекратил наведываться в клуб, но после развода привычки его изменились, захотелось расширить круг знакомств, так что заглядывал он сюда не чаще двух раз в неделю. Сегодня народу было немного, и посетителей обслуживал единственный официант.

У Пита снова развязался язык, хотя теперь он говорил гораздо тише:

– Сейчас который час? Должно быть, где-то девять пятнадцать. Они, наверное, только разворачивают подарки. Значит, в половине десятого они сядут за стол. А я подкачу к самому десерту и устрою им шикарный праздник!

– Неплохая идея, – одобрил Чарли.

– Поехали вместе! Ты не должен упускать возможность изгадить Рождество твоей бывшей жене. Заодно и полюбишься на ее нового муженька. Кстати, он тебя ненавидит. А когда ты в последний раз навещал детей?

– Недавно, – ответил Чарли, хотя с тех пор прошло уже несколько месяцев.

По мере приближения даты отъезда его привычная невнимательность превращалась в намеренное стремление избежать встреч, якобы для того, чтобы лишний раз не травмировать детей. В его планы не входило навещать их перед отъездом.

– Ты подумай. Давай выпьем еще – это поможет тебе почувствовать дух Рождества.

– Давай. – Как бы мерзко ни было сознавать, что он бросил детей, он просто не мог представить себе их встречу. Нет, это лишнее. Он уезжает, и они скоро забудут его.

– Я повторю, Келли.

– И я, – сказал Пит, осушая бокал.

Келли, молодая брюнетка с конским хвостом, улыбнулась и взяла их бокалы. Из-за близко расположенных глаз казалось, что она косит.

– Джентльмены, сегодня с вами пьет Трина.

Чарли повернулся и огляделся, шурясь в тусклом свете свечей. За столиком сидела одинокая женщина – та самая, муж которой якобы нанял детектива и купил револьвер. Она подняла свой бокал и едва заметно кивнула. По ее лицу скользнула тень улыбки. Чарли слез со стула и, прихрамывая, приблизился к столику Трины.

– Трина! Какая встреча!

– С Рождеством, Чарли. Где ты охромел?

– Боевые раны. Сражение при Шато-Тьерри.

– А ты воевал в Корее? – не расслышав, удивилась Трина.

«Ей, наверное, под пятьдесят», – подумал Чарли. Привлекательная женщина, которая тратит много труда и средств на поддержание красоты, чтобы затем напиваться в барах. Ее уши,

шея и руки были отягощены золотом, серебром и бирюзой. Несколько прядей волос выбились на висках из тугой прически.

– Где же твоя крошка-медсестра? Почему она не пришла?

– Она вообще-то врач. Мы расстались. А ты сегодня одна? – Чарли так и стоял, не пытаясь подсесть к ней.

– Все мои дружки отrekliсь от меня сегодня. Каждый встречает Рождество в кругу своей чертовой семейки.

– Только не я.

– И не я. Алекс и его сучка-лыжница потащили детишек в Вейль. Я сказала: ладно, я найду, с кем переспать. Какие у тебя планы на сегодня, Чарли? А кто этот симпатичный джентльмен? – спросила она, увидев Пита, несущего бокалы.

– Это Пит, муж сестры Сарабет.

– Бывшая родня, значит. – Трина коротко и сухо рассмеялась. – Привет, Пит!

– Привет, Трина. Ты меня, наверное, не помнишь. – Он уселся напротив.

– Конечно помню! Только подскажи, где мы встречались...

– Пару лет назад в «Медной свечке», ты тогда здорово поскандалила с мужем.

Трина подалась вперед, всматриваясь в его лицо.

– Он шлепнул по заднице какую-то шлюху? А мы ушли вместе с тобой?

– Ну да.

– О боже... Он вел себя как последний кобель. А ведь целая компания тогда собралась, его друзья, коллеги... Значит, это был ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.